

Глава 6

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА. ЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА. ДВУЯЗЫЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Этническое самосознание группы зависит, в числе прочих факторов, и от интенсивности контактов. В изолированных обществах этническое самосознание не проявляется, поскольку в них существует расовое, языковое и культурное единство. Община, никаким образом не контактирующая с другими расами, языками и культурами, уверена, что она — то и представляет человечество в целом, а не одну из его ветвей. Этот факт отражается в практике этнических самоизменений: члены такой общины на вопрос, кто они такие, отвечают — «люди».

С увеличением контактов между культурами этническое (национальное) самосознание участвующих в контактах общин растет. Чем больше культура знает о других культурах, тем больше ее носители осознают себя представляющими часть человечества, а не все человечество. Если принять такой подход, то становится понятно, почему в современном мире национальное самосознание — а соответственно и национальные конфликты — растут, а не сходят на нет, как предсказывали ученые конца XIX — первой половины XX столетия (см.: Pipes 1975).

Рост национального самосознания является причиной появления национализма как политического движения и как чувства. Эрнст Геллнер, один из наиболее влиятельных ученых, исследовавших феномен национализма, понимает под этим термином «...политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» (Геллнер 1991). Иначе говоря, национализм — это идеология, стержнем которой является идея об обязательном доминировании какой-либо

этнической общности в пределах государства: национальное государство — это государство, где господствует одна этническая общность (подробнее об этом см.: Скворцов 1996: 144–152). Эта этническая общность испытывает постоянную потребность в утверждении и поддержании своих культурных маркеров; поскольку одним из основных этнических маркеров является язык, в национальном государстве резко возрастает важность языковых вопросов.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Национальное государство всегда встает перед необходимостью проведения определенной языковой политики и языкового планирования (строительства).

Языковая политика государства есть часть общей политики государства. Государство принимает основные принципы политики в отношении языков, которые имеют хождение на его территории, и реализует эту политику в виде языкового планирования. Языковое планирование — это часть более широкого понятия «языковая политика», или, точнее, — это реализация языковой политики.

Приведем один пример (ситуация здесь несколько упрощена по сравнению с реальной). В 1947 году Индия получила независимость. При обсуждении вопроса о языковой политике Федеральное правительство приняло решение в качестве общегосударственного языка отказаться от английского и избрать хинди, при этом каждый штат имел право на свой собственный официальный язык. В ряде случаев были даже изменены границы штатов, чтобы достичь большей языковой однородности административных территорий. На развитие хинди как государственного языка были потрачены значительные средства: издавались словари, энциклопедии, книги, стандартизировались клавиатуры пишущих машинок и телеграфных аппаратов. Параллель-

но каждый штат тратил силы и средства на развитие собственного языка (специальные комитеты разрабатывали литературные стандарты, техническую терминологию и т. п.). Однако несмотря на предпринятые действия, политика не увенчалась полным успехом, и в 1967 году английский был восстановлен в правах в качестве второго официального языка.

Не следует считать, что государство — это единственный орган, который способен иметь языковую политику и проводить в жизнь языковое планирование. В этот процесс могут быть вовлечены и общественные силы. Эти общественные силы или группы могут печатать книги на языке, который они хотели бы сохранить, организовывать преподавание этих языков, культурные события на этих языках и т. п.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Есть случаи индивидуального языкового планирования, когда собственную «языковую политику» осуществляют отдельные личности — точнее, когда их действия приводят к заметным изменениям в судьбе языка. Приведем несколько наиболее известных примеров.

Сэмюэль Джонсон (Samuel Johnson, 1709–1784) — крупнейший английский писатель, драматург и лексиколог, составитель нормативного словаря английского языка (*A Dictionary of the English Language*, 1755), который сыграл громадную роль в стандартизации английского языка XVIII века. Значение этого словаря, многократно переиздававшегося, сохраняется до сих пор.

Его американский коллега, **Ной Вебстер** (Noah Webster, 1758–1843), издал в 1783–85 годах *«Grammatical Institute of the English Language»* — знаменитый «синий справочник» (*«blue-back speller»*), который был настольной книгой для многих поколений американских школьников. Его «Американский

словарь английского языка» (1828) принес ему редчайшую славу — сделал фамилию автора (точнее — псевдоним) нарицательной.

Еще одной знаменитой парой «индивидуальных языковых политиков» являются норвежцы **Ивар Аасен** (Ivar Aasen, 1813–1896) и **Кнуд Кнудсен** (Knud Knudsen, 1812–1895), которые в середине XIX века создали и возглавили группу энтузиастов, благодаря усилиям которой в конечном счете появился второй норвежский язык (*ландсмол*), созданный на базе норвежских диалектов. Этот язык впоследствии стал одним из двух литературных норвежских языков (параллельно с языком *бокмюл*) и известен сегодня под именем *люнорск*.

Пожалуй, самый знаменитый, во многом уникальный пример — **Элиэзер Бен-Егуда** (Eliezer Ben Yehuda, 1858 или 1859–1922). Делом жизни этого человека было возрождение иврита как устного языка. В течение 1700 лет иврит не использовался как разговорный язык, а употреблялся лишь для молитвы и чтения священных текстов. Бен-Егуда поставил своей задачей создать в Палестине семейный и дружеский круг, в котором говорили бы на иврите. Кроме того, он первым стал издавать на иврите газету и составил монументальный 16-томный «Словарь древнего и нового иврита». Труд Бен-Егуды и его последователей начал давать плоды очень быстро. Уже в начале XX века появилось значительное число ивритских школ и появились первые люди, говорившие на иврите. В значительной степени именно Бен-Егуде сегодняшний Израиль обязан тем, что у страны есть полноценный государственный язык.

Попытки «индивидуального языкового планирования» предпринимаются не так уж редко, хотя, конечно, далеко не всегда приводят к таким впечатляющим результатам. Почти каждый лингвист, работавший «в поле» с бесписьменным языком, встречал среди местных жителей людей, которые, не имея специального образования, увлеченно занимались изобретением алфавитов, составлением словарей и пытались внедрить результаты своих трудов среди односельчан. Как правило, именно эти люди считаются в поселках экспертами по вопросам языка: они помнят ред-

кие и вышедшие из употребления слова, держат в памяти большое число фольклорных текстов, именно к ним обращаются с вопросом «как лучше сказать».

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

Государственное языковое планирование осуществляется через соответствующие учреждения: академии, институты, комиссии. Задача такого учреждения — создать орфографию для бесписьменного языка, реформировать существующую орфографию, создать новую терминологию и др.

Ежедневные (неосознанные) речевые практики людей часто входят в противоречие с установленными академией правилами, и развитие языка в этом случае идет туда, куда хотят люди, а не туда, куда хочет академия. Например, в Южной Америке были многочисленные попытки заменить английские заимствования на испанские слова (новые, придуманные, или существующие). Однако говорящие упорно продолжают пользоваться английскими заимствованиями. Французское правительство в 1975 году даже провело закон, в соответствии с которым вводились штрафы за употребление английского заимствования там, где есть соответствующее французское слово (*ticket* вместо *billet* и т. п.).

Как правило, языковая политика оказывается достаточно эффективной для письменной формы языка, но не для устной: государство может способствовать возникновению, развитию и утверждению литературного стандарта, который значительно отличается от разговорного языка.

Можно выделить три основных этапа языкового планирования.

Отбор языка (это касается главным образом развивающихся стран). С проблемой выбора государственного языка столкнулись почти все страны, освободившиеся от колониального господства. Здесь не существует единого

рецепта: не всегда в качестве государственного выбирается самый крупный язык и даже не всегда — один из автохтонных языков. Так, Индонезия выбрала баха-индонезийский, Мозамбик — португальский.

Определение отношения к языкам меньшинств. Поддерживать ли языки меньшинств, терпеть их или подавлять? Использовать ли их в управлении, в образовании? Если выбирается политика подавления, то она может быть как явной, так и скрытой; в последнем случае языковое планирование часто ведет к отмиранию языков меньшинств.

Языковое строительство¹. Этот этап включает создание алфавита и правил орфографии для языка, существующего в устной форме, развитие терминологии, развитие школьного преподавания, издание литературы.

Термин «языковое строительство» может ввести в заблуждение. Следует отчетливо понимать, что попытки оказать прямое воздействие на структурную сторону языка обычно ни к чему не приводят. Нельзя заставить население страны перестать употреблять тот или иной падеж или грамматическую конструкцию; невозможно прямым образом изменить речь людей. Попытки воздействия тем эффективнее, чем большее влияние оказывается на структурную сторону языка через его функциональную сторону.

Сознательная воля влияет на структуру языка только через посредство его функциональной стороны, и это влияние, хотя и нарастает со временем, все же по сравнению со стихийным развитием имеет весьма ограниченные пределы (Аворин 1970: 32).

Направление языковой политики выбирается исходя из разных принципов; существует два основных подхода к проблеме «оптимального языка», т. е. такого, который наилучшим образом обслуживал бы языковую общность.

¹ В некоторых публикациях термин *языковое планирование* используется как «западный» (т. е. переводной с английского языка) аналог «российского/советского» термина *языковое строительство* (см., например: Мечковская 2000: 224). На наш взгляд, такое разделение выглядит искусственным.

Инструментальный подход, т. е. подход к языку как к инструменту. Этой точки зрения обычно придерживаются непрофессионалы: подразумевается возможность оценки языка, его изменения, регулирования, улучшения и даже создания нового языка. Лингвисты якобы способны указать, какие конструкции логичны, а какие нет, в особенности если речь идет не о языке в целом, а о какой-либо конкретной подсистеме языка. Так, можно сказать, что та или иная языковая черта в одном языке лучше, чем в другом, с какой-то определенной точки зрения. Например, по мнению сторонников такого подхода, фонетическая система одного языка может быть проще, чем другого (см.: Tauli 1968). Однако ловушка здесь в словах «с какой-то определенной точки зрения», поскольку та же самая «менее логичная» черта с другой точки зрения может оказаться как раз, наоборот, более логичной и экономной. Э. Хауген (Haugen 1971) совершенно справедливо критикует такой подход, считая, что он беспersпективен, — тем не менее именно этот «любительский» подход довольно распространен.

Сторонники социолингвистического подхода утверждают, что подобное прямое сравнение языков с целью выяснить, какой из них «лучше», невозможно и бессмысленно. Эта позиция базируется на двух принципах: а) все известные языки представляют собой знаковые системы, имеющие равную ценность; б) при языковом планировании необходимо обращать внимание не столько на структурную, сколько на социальную сторону проблемы. По этому поводу Э. Хауген писал:

...оценивая языки по стандартам формальной логики, мы видим, что естественные языки избыточны и неоднозначны. Человек, знакомый с двумя языками, полностью отдает себе отчет, что ни тот ни другой не являются «идеальными». Это, скорее всего, и есть причина развития логики и математики, которые позволяют избежать логического несовершенства естественного языка. Но кому взбредет в голову заменить язык математикой в повседневной жизни? Богатое разнообразие языков — это часть условий существования человека. Уничтожить это

разнообразие, чтобы сделать языки полностью логичными или одинаковыми, — не только сизифов труд, но и чудовищная, недостойная гуманиста цель (Haugen 1971: 288).

При этом подходе, следовательно, не существует примитивных языков, т. е. таких, которые по своим *структурным* характеристикам не могли бы претендовать на роль государственных. Другое дело, что по своим *функциональным* характеристикам многие языки не могут претендовать на эту роль.

Таким образом, с точки зрения социального подхода, языковое планирование — это часть социального планирования; это — совокупность сознательных мер воздействия на функциональную сторону языка.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ ШАГОВ ПРИ ЯЗЫКОВОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Языковое планирование предполагает определенную последовательность действий.

1) **Социолингвистические исследования.** Для многих стран эта задача очень дорогостоящая. Известен четырехлетний проект в Эфиопии (середина 1970-х годов), в котором участвовало около десятка исследователей — изучалось положение с 70 языками (с числом носителей от почти 8 миллионов до 250 человек).

Иногда такого рода исследования дают неожиданный результат. Известен английский проект по изучению языковых меньшинств (Linguistic Minority Project in Great Britain), целью которого было изучить, на каком языке говорят жители разных частей Англии. Среди прочего обнаружилось, что в одном из районов Лондона школьники разговаривают на 87 языках, из которых самые крупные — отнюдь не английский, а турецкий и греческий.

2) **Определение целей и конкретных шагов языкового планирования.** Осуществляется отбор языка (так, в Танзании был избран суахили, в соседней Кении — английский) и определяется отношение к языкам меньшинств.

Часто целью языкового планирования является стандартизация языка, для чего нужна кодификация как обязательный этап. Это серьезная проблема, когда дело касается языка с сильным диалектным дроблением. В таких случаях государство вынуждено выбрать один из диалектов («базовый диалект») и развивать на его основе стандартный язык, хотя заведомо известно, что носителям других диалектов придется учиться писать на языке, который достаточно далек от их разговорного варианта.

Многочисленные трудности возникают и при выборе системы письма. Хороший пример — язык *кечуа* ('Kechua', Эквадор). Выбор алфавита сомнений не вызывал, проблема заключалась в том, как записывать слова. Ср.:

Звучание	Значение	Письменный вариант	
		1-й	2-й
[kasa]	«мороз»	kasa	casa
[kiri]	«зуб»	kiri	quiri
[wasi]	«дом»	wasi	huasi/guasi
[wira]	«жир»	wira	huira

Лингвисты, работавшие в Эквадоре, предложили первый вариант как более простой и логичный. Однако буква [w] присутствует только в английском алфавите, в испанском ее нет. Буква [k] в испанском есть, но только в иностранных словах. Эти буквы ассоциируются в сознании большинства грамотных испано-говорящих эквадорцев с американским английским и через него — с «американским империализмом»; если бы индейцы кечуа стали писать на своем языке с использованием такой орфографии, они бы автоматически были отождествлены другими этническими группами как «проамерикански настроенные». В то же время второй вариант технически неудобен и, поскольку он близок к испанской орфографии, как бы подчеркивает зависимость кечуа (народа и языка) от испанского. Аналогичные примеры можно привести и из истории языкового строительства в СССР в 1930-е годы.

3) Наконец, важным элементом языкового планирования является **модернизация языка**. Основное проявление модернизации — *развитие словаря*. Это особенно касается новых государственных языков, которые не имеют развитых лексических систем, способных охватить такие, например, сферы, как преподавание точных наук. Классический и самый поразительный пример — *иерит*: когда этот язык стал государственным, в нем не было огромного количества самых необходимых слов: названий деталей автомобилей, военных терминов, названий инструментов, да и просто мебели и кухонной утвари. За несколько десятков лет эти термины были созданы и введены в повседневный оборот.

Существуют разные пути развития словаря: а) образование сложных слов, б) образование новых форм слова с использованием словообразовательных возможностей языка, в) адаптация иностранных слов, г) расширение значений имеющихся слов. Приведем один пример.

Язык *пилипино* 'Pilipino', государственный язык Филиппин, создан на основе языка *тагалог* 'Tagalog'. С 1964 года Научный Комитет Филиппин разрабатывает словарь основных научных и технических терминов. Ниже приведены примеры некоторых результатов словарной работы этого Комитета.

Слово- сложение	buumbilang целое (число)	bou + bilang 'целое' + 'число'
	bahagimbilang дробь	bahagi + bilang 'часть' + 'число'
Деривация	ramahiga знаменатель	pang- + bahigi инструментальный префикс + 'часть'
	sabansain национали- зировать	sa- + bansa + -in префикс деятеля + 'нация' + суффикс деятеля
Сочетание деривации и словосло- жения	dalibwikaan лингвистика	dalib + wika + -an 'знаток' + 'язык' + суффикс процесса

Адаптация иностранных слов: eruplano ‘самолет’, ampir ‘ампер’
 Расширение значения слов или использование диалектных слов:
 тагалог: mikmik ‘очень маленький’ → *нилинио*: mikmik
 ‘микроскоп’
 тагалог: lupa ‘земля’, *весайский диалект тагалог*: duta ‘земля’ → *нилинио*: lupa ‘земля — почва’, duta ‘Земля — планета’.

С проблемой модернизации языков столкнулись после обретения независимости некоторые бывшие советские республики. Введение полного среднего и высшего образования потребовало разработки дополнительной терминологии.

Нужно подчеркнуть, что процесс модернизации языка в действительности не является новым. Как показал Фергюсон (см.: Ferguson 1996), это тот же процесс, который наблюдался в английском языке в XV, в русском — на рубеже XVIII—XIX, в венгерском — в XIX веке. В некоторых случаях «moderнизация» языка происходила без всякого сознательно осуществлявшегося языкового планирования. Языковое планирование подобно неосознанному, естественному развитию языка, но с той оговоркой, что существенно ускоряет процесс и делает его универсальным и контролируемым.

4) **Внедрение всех предложенных лингвистами разработок** — заключительная стадия языкового планирования. Оно предполагает печатание нормативных словарей и справочников, школьных и вузовских учебников, подготовку учителей, организацию обучения дикторов радио и телевидения и т. п.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР ЯЗЫКА ПРИ ЯЗЫКОВОМ ПЛАНИРОВАНИИ

Можно выделить несколько групп таких факторов.

1) **Социально-демографические факторы** включают число языков, число говорящих на них и их географическое распространение. Например, в Нигерии более 200 языков,

из которых главные хауса (20 млн), йоруба (20 млн) и ибо (5 млн). Из-за примерного численного равенства этих народов и соответственно относительного языкового равновесия в качестве официального языка был выбран *английский*. С другой стороны, в Эфиопии, где около 40 % населения² — народ амхара, официальным языком стал *амхарский*.

2) **Географическое «расположение» языка** также играет важную роль. Например, Индонезия и Малайзия — островные государства, состоящие из тысяч островов. Основным морским торговым путем для архипелага всегда был Малаккский пролив, разделяющий остров Суматра (Индонезия) и Малайзию. По обе стороны пролива живут малайцы; их язык стал вначале своего рода лингва франка для всего региона, а затем и официальным языком Малайзии и основой для языка *баха-индонезия*, или официального индонезийского языка, притом что ни в культурном отношении, ни по численности носителей малайский не является основным языком региона.

3) **Языковые факторы.** Здесь имеется в виду генетическая близость языков, их сравнительная «простота», а также степень модернизации. Языки недостаточно модернизированные не могут претендовать на роль официальных языков; языки, генетически удаленные от значительной части языков страны, также имеют меньше шансов стать официальным или государственным языком. Так, в Танзании более 90 % населения говорит на языках группы *банту*, и поэтому *суахили*, один из главных банту языков, легко «победил» в борьбе за звание официального.

4) **Социально-психологические факторы.** Сюда включается отношение людей к разным языкам в широком смысле. Например, при численном преобладании русскоязычного населения в Латвии к 1991 году, почти 100-процентном владении русским языком жителями этой страны и, следовательно, очевидном удобстве выбора русского языка как официального, у русского не было никаких шансов стать

² По другим данным — 25 %.

официальным языком Латвии из-за того, что он ассоциировался в сознании латышей с «советской оккупацией».

5) Политические факторы. В качестве примера можно привести латинизацию и последующую кириллизацию языков среднеазиатских народов. До 1917 года письменность для некоторых из этих языков отсутствовала, в других слuchаях (таджикский, узбекский языки) грамотная часть населения (духовенство) писала и читала по-арабски; арабский как язык Корана преподавался и в религиозных школах. В 1920-е годы был введен единый алфавит на латинской основе: одна из причин избрания латиницы состояла в попытках избежать слишком резкого перехода от «мусульманского» арабского письма к «советскому», избежать ассоциаций с культурным подавлением «русскими». В 1935 году политика правительства изменилась, и постепенно латинские алфавиты узбекского, таджикского и других языков были заменены на кириллический.

6) Наконец, религиозные факторы также воздействуют на языковую политику. Например, в Судане поначалу, после получения независимости, официальным языком стал английский; впоследствии, по мере исламизации страны, он был заменен на арабский.

ЯЗЫКОВЫЕ МЕНЬШИНСТВА

Есть два варианта употребления этого термина: обыденное и юридическое. С обыденной точки зрения, меньшинство — это численно небольшая группа, отличающаяся от других групп данного государства по какому-либо признаку (по языку, религии, цвету кожи и др.). Юридическое определение старательно исключает из понятия «меньшинство» иммигрантов, беженцев, временных рабочих, образованную элиту, различные группы, складывающиеся ad hoc, и т. п. Кроме того, это определение противопоставляет меньшинство большинству, а «всему остальному насе-

лению». Существует множество определений юридического понятия «меньшинство». Приведем одно из них.

Группа, численно уступающая остальному населению государства, находящаяся в недоминирующем положении, члены которой, являясь гражданами данного государства, имеют этнические, религиозные или языковые характеристики, отличающие ее от остального населения, и демонстрируют, пусть и не в явной форме, чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии или языка.

Меньшинства могут быть религиозные, расовые, этнические, культурные, языковые, сексуальные и др. Разумеется, в большинстве случаев мы имеем дело с комбинацией факторов. Само по себе название «меньшинства» не должно вводить в заблуждение: это не обязательно *численное* меньшинство по сравнению с другими группами. Так, в Эфиопии политически доминирующей этнолингвистической группой является *амхароязычная*, однако в численном отношении она уступает говорящим на кушитских языках — *сдамских* и оромо. Таким образом, когда говорят о меньшинствах, имеют в виду прежде всего группы, не обладающие политической властью (не доминирующие в политическом отношении).

На Земле не менее 6000 языков, как минимум такое же число групп, говорящих на этих языках, и всего около 200 суверенных государств. Поэтому подавляющее большинство языковых групп неизбежно оказывается в положении меньшинства на территории «чужого» национального государства и ведет постоянную борьбу за автономию и право голоса. В каком-то смысле можно сказать, что быть меньшинством — это правило, и как раз исключение — это жить на некоторой («своей») государственной территории и составлять на ней большинство.

Некоторые территории с проживающими на них этническими меньшинствами остаются в составе одного и того же государства на протяжении очень долгого времени, другие переходят «из рук в руки», как, например, Эльзас-Лотарингия (Франция — Германия), Трансильвания (Румыния — Венгрия) и др.

Стремление этнических меньшинств к самоопределению стало в значительной мере заметно после Второй мировой войны и особенно в 1960-е годы, с окончательным распадом колониальных империй. Количество суверенных государств в период с 1939 года до конца 1980-х увеличилось с 50 до примерно 200.

На вопрос о числе языковых меньшинств в мире иногда дают приблизительный ответ, основываясь на «формуле» *число языков минус число государств* (т. е. порядка 5800). Однако результат заведомо неточен и занижен в несколько раз (например, немецкоязычное меньшинство в Польше и немецкоязычное меньшинство в США — это, несомненно, два разных меньшинства). Можно сказать только, что меньшинств значительно больше, чем хочется считать многим государствам и правительствам. Например, исследования Дж. Фишмана в США (Fishman 1985) выявили 6553 школы, в которых преподаются языки меньшинств, 1031 различное печатное издание, 2590 радио- и телепрограмм и 13 638 этнических религиозных организаций, использующих языки меньшинств, — и это в стране, которая в течение большей части XX века проводила политику «плавильного котла».

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Языковой конфликт — это социальный конфликт, тем или иным способом связанный с языковой политикой государства. Причины этого конфликта могут лежать в экономической, политической, социальной, религиозной и т. п. сферах, однако он приобретает конкретную форму выражения в связи с языковым вопросом. Доминирующая в социальном отношении группа, которая пытается ограничить социальные (экономические, культурные и т. п.) возможности других групп, будет в этом случае рассматриваться именно как языковая группа.

В других случаях причины конфликта могут быть сосредоточены именно в языковой области, т. е. именно языковая политика доминирующей группы оказывается той точкой социального недовольства, из которой вырастает конфликт. Однако чаще все же встречается первый вариант, когда о реальных экономических, политических, социальных или культурных причинах конфликта забывают (или сознательно умалчивают) и сводят его к проблемам языковой политики.

В связи с ситуациями языкового конфликта в социолингвистике чаще всего затрагиваются такие темы, как многоязычие, языки меньшинств, социолингвистические результаты миграционных процессов, передача языка от поколения к поколению, переход на другой язык, усвоение языка, соотношение этнических и языковых границ. Все это темы более или менее самостоятельные, но их приходится касаться при анализе конкретного языкового конфликта.

Часто причиной языкового конфликта является политика *глottофагии* — подавление и вытеснение языка меньшинства языком доминирующей группы, переход от многоязычия к одноязычию (переход на другой язык), или, иначе, языковая ассимиляция. Самый распространенный пример — эмигранты в чужой стране. Языковые конфликты «глottофагического» типа, кроме того, типичны для территорий, которые оказались внутри какой-либо страны, но по которым проходят языковые границы, например романогерманские языковые границы (Эльзас-Лотарингия, Бельгия, Швейцария, Южный Тироль). Все эти области остаются зонами потенциального языкового конфликта.

СЛЕДСТВИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНФЛИКТОВ. НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В ситуации языкового конфликта индивид ведет себя в зависимости от того, к какой языковой группе (меньшинства или доминирующей) он относится.

Представители языкового меньшинства могут реагировать на создавшуюся ситуацию одним из трех способов.

- 1) В случае, когда их знания языка большинства недостаточны, они прекращают попытки общения на доминирующем языке и в ситуации, когда говорить на родном языке невозможно, предпочитают молчать.
- 2) Они могут «бунтовать»: отказываются учить доминирующий язык, сопротивляются давлению и во всех ситуациях говорят на родном языке.
- 3) Языковое меньшинство может выработать новую, сбалансированную стратегию двуязычного поведения.

Представители доминирующей группы, как правило, выбирают одну из следующих моделей поведения.

- 1) Отказываются признавать существование языкового конфликта.
- 2) Признают наличие конфликта, но принижают его значимость, стараются его не замечать.
- 3) Признают языковой конфликт как социальную проблему и пытаются найти пути его разрешения.

Нейтрализации языкового конфликта способствует *взвешенная языковая политика*, ставящая своей целью уравнять значимость конфликтующих языков, притом что доминирующий язык получает статус «международного» языка на данной территории, а также *выравнивание возможностей* реализации в социально-экономической, политической и культурной сфере для представителей разных языковых групп.

Чем больше государство старается «не замечать» языковые проблемы, тем больше на них сосредоточивается меньшинство. Язык становится символом этнической самобытности, и любое «неуважение» к языку со стороны государства немедленно порождает конфликт, который население осознает как языковой. Положение каталанского языка во Франции является ярким тому примером: языковое меньшинство не удовлетворено мерами, принимаемыми госу-

дарством в отношении поддержки этого языка, и в любой момент может возникнуть языковой конфликт.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ И НА ТЕРРИТОРИИ БЫВШЕГО СССР

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И СССР — ПОЛИЭТНИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА

По меткому выражению В. О. Ключевского, Россия — страна, которая колонизировала сама себя: процессы складывания нации и складывания империи в России безнадежно перемешались. Даже в XVII и XIX веках, когда государство сознательно, военным путем, «прибавляло земли», темпы колонизации и готовность, с которой русские переселенцы заимствовали обычаи, производственные техники, верования, даже языки покоренных народов, стирали грань между колонией и метрополией — грань, всегда четко проводившаяся в европейских империях.

Русские правители следовали тому, что Р. Пайпс называет «французской моделью колонизации» (Pipes 1975): в отличие от англичан французы старались дать покоренным народам такие же права, как у «природных французов». Московская Русь и Российская империя следовали похожей линии: привилегированное сословие (дворянство) было открыто для элиты завоеванных стран. Советская власть поступала так же: элиты национальных меньшинств республик и областей СССР и стран Восточной Европы, хотя и ограниченно, но получали доступ к высшему уровню партийной иерархии.

Русский язык в течение нескольких веков оставался самым распространенным вторым языком для всех народов огромной империи и сохраняет этот статус, несмотря на распад Советского Союза. Однако «языковое сближение» между разными группами населения не происходило в со-

ветские времена и тем более не происходит сегодня. Территория Российской Федерации (как и территория бывшей империи) остается многонациональной, многоэтничной и пестрой в языковом отношении.

Отсюда важность макросоциолингвистической проблематики для России. Вопросы языковой политики государства, языкового строительства для вновь образовавшихся независимых государств, проблематика «языка и школы» и подобные вопросы долго еще будут занимать умы как государственных деятелей, так и лингвистов.

ДВЕ ТРАДИЦИИ В ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В ряде работ (см., например: Kreindler 1984, со ссылкой на Дж. Фишмана) выделяют две традиции, два направления государственной языковой политики. Первая из них, условно называемая «восточная», полагает разнообразие человеческих языков и культурных традиций естественным и желательным. Идеалом для второй традиции, «западной», является единая система ценностей, одна вера, один язык. Между этими двумя традициями происходит постоянное противоборство; разные страны следуют в своей языковой политике, как правило, то одной, то другой традиции.

Россия также относится к тем странам, где в разные периоды истории чередовались и противоречили эти традиции. Исторически «восточная» традиция в России сильнее; корни ее уходят во времена принятия славянами христианства. Благодаря трудам Кирилла и Мефодия русские и другие восточно-славянские народы получили ясное представление о своем языке (языках) как о чем-то особом, отдельном — прежде всего, этому способствовала специально разработанная система письма (кириллица) и перевод Священного Писания. В последующие века эта традиция была продолжена: православные миссионеры стремились изучить языки тех народов, которым они проповедовали (коми, марийцы,

чуваши, татары, казахи, дагестанские народы, народы Сибири и Севера и др.). Образовательная комиссия, созданная при Екатерине II, рекомендовала школам на территориях, где проживают инородцы, в преподавании принимать в расчет их язык и культуру. Документы, раскрывающие ход реформ Сперанского в 1822 году в Сибири, содержали положения, согласно которым коренное население получало право пользоваться своим языком для официальных целей.

Однако постепенно «восточная» традиция отношения к языкам в России начала сменяться «западной», и прежде всего для западных областей империи (Польша, Балтия, Финляндия): отношение к народам, живущим на западе империи, переменилось, их языковые права были значительно ущемлены, и это касалось в первую очередь школьного образования. При том, что в западных районах страны проводилась политика русификации, важная роль всех инородческих языков на востоке страны была официально признана. Например, в то время как польский и украинский языки были вытеснены из школьного преподавания, казахский был введен как один из предметов и языков преподавания.

Общую ситуацию можно охарактеризовать следующим образом: при несомненной политике, направленной на русификацию, в последние три-четыре десятилетия перед революцией власть не подавляла отдельные попытки энтузиастов наладить преподавание местных языков, особенно в восточных районах империи.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ДВЕ ТРАДИЦИИ

Было бы логично ожидать, что большевики — носители идеологии марксизма, принесут после революции 1917 года в Россию на смену «восточной» традиции отношения к языковой и национальной политике другую традицию — «западную». Маркс смотрел на нации, как на нечто «иррациональное», как на «пережиток прошлого»; марксисты выступали за скорейшую ассимиляцию «малых отсталых на-

ций» и рассматривали ее как шаг на пути формирования единых для всех народов культуры и языка.

Однако этот марксистский подход поначалу не утвердился, по крайней мере в отношении языка. Сыграло свою роль и противодействие политике русификации в последние предреволюционные десятилетия, и признание, по крайней мере на словах, всеобщего равенства и соответственно равных демократических прав. В первой программе большевиков (1903) было заявлено о равных языковых правах для всех этнических меньшинств России, хотя русский объявлялся государственным языком. Во второй программе (1919) также утверждалось равенство всех языков: после прихода к власти Ленин продолжал отстаивать «отсутствие обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках» (подробнее об этом см.: Алпатов 2000).

В течение первых двух десятилетий Советской власти восточная традиция была доминирующей. В 1925 году Конституция РСФСР (ст. 13) в законодательном порядке признала за всеми гражданами право свободного пользования родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Проводимая политика предусматривала обеспечение преподавания в школах на всех местных языках. В этой области многое из задуманного было реализовано.

Известны успехи языкового строительства в 1920–30-е годы. Создавались алфавиты и орфографии для ранее бесписьменных языков, в частности — для двух десятков языков народов Севера. Вполне благополучно шел процесс развития мордовского и чувашского языков. Значительные усилия были предприняты в отношении развития языка идиш. К 1932 году у более чем 80 национальностей в СССР существовали своя письменность и школьное преподавание, причем у половины из этих национальностей они впервые появились после революции. Известный лингвист Н. Ф. Яковлев писал: «Несомненно, еще до конца второй пятилетки задача охвата всех национальностей письменностью на родном языке будет окончательно разрешена» (Яковлев 1932: 27).

Однако к середине 1930-х годов языковая политика резко изменилась. Создание новых алфавитов было свернуто. Вопреки первоначальным планам, ни на одном языке, кроме русского, в пределах РСФСР так и не было введено высшее образование, и только в Татарии и Башкирии существовали средние школы, где преподавание велось на родном языке. В 1938 году постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома русский язык был введен как обязательный предмет во всех национальных школах СССР с первого класса. Знаком новой политики стал и начавшийся в 1935 году частичный, а с 1938 года полный перевод алфавитов с латиницы на кириллицу.

В условиях единого централизованного государства, укрепления экономических и культурных связей между регионами важной стала задача распространения единого для государства языка общения, а им мог быть только русский. Как отмечает В. М. Алпатов, при всей жесткости сталинских методов произошел возврат к обычной языковой политике в многонациональном государстве на индустриальной основе. В то же время официальные лозунги о «свободном развитии» и «равноправии» наций и языков сохранялись: в Конституции 1936 года (ст. 121) провозглашалось право на образование на родном языке (подробнее см.: Алпатов 1994).

После Второй мировой войны «западная» тенденция расцвела в полной мере. И если языки союзных республик находились в привилегированном положении и играли официально признанную роль, то положение языков, которые имели статус ниже языка союзной республики, было сложным. Значительно сократилось количество публикаций на этих языках, были сокращены часы преподавания их в школах и т. п.

Хрущёвская «оттепель» имела разнообразные последствия для языковой политики. Относительная либерализация разных сторон жизни поначалу смягчила русификацию. В лингвистике стало появляться больше работ, посвященных различным языкам и особенно диалектам. Несколько увеличилось число публикаций не на русском языке. Однако все эти естественные следствия общего «потепления» общественной атмосферы были нейтрализованы активным

утверждением марксистской традиции, которую Хрущёв пытался «очистить» и «развить», притом что пропагандистское прикрытие этой политики оставалось. С одной стороны, при Хрущёве в Программе КПСС появилось положение о ведущей роли русского языка как языка межнационального общения СССР. С другой стороны, в 1958–59 годах было вновь объявлено полное равенство всех языков в области образования; выбор языка, на котором можно было получить образование, объявлялся свободным выбором родителей ребенка. Однако выбор свелся к тому, что выбирался *второй* язык, который также преподавался в школе, а основное образование шло на русском языке.

Вполне официально объявлялось, что главная задача национальных школ — готовить учащихся, которые бы знали и любили русский язык. Это затронуло все без исключения национальные школы. Для многих из языков малочисленных народов такая языковая политика была «последней каплей» — она ускорила процесс языкового сдвига.

Во многих случаях политика русификации была успешной, в том смысле, что предполагаемые ею результаты были достигнуты. Например, по данным переписи населения 1989 года, 50 % карелов, 30 % башкиров, коми, мордвы, удмуртов, 20–25 % татар, марийцев, чувашей не считали родными этнические языки. За 1970–1985 годы число не владеющих родными языками бурятов, марийцев, татар, удмуртов, чувашей, якутов увеличилось в два раза, мордвы и карелов в полтора раза.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОСЛЕ 1991 года

После распада СССР в так называемом постсоветском пространстве для языковых конфликтов сформировалась благоприятная почва. Это связано с реструктуризацией в политической, социальной и экономической сферах, с измене-

нием соотношения между языками титульных наций и русским языком, который резко изменил свой статус. В 1989–1990 годах были приняты законы о языке во всех бывших советских республиках. В большинстве из них (кроме Белоруссии) государственным языком объявлен язык титульной нации.

Переход нового государства на новый язык имеет несколько аспектов. Прежде всего, это вопрос политический: язык титульной нации становится государственным и часто единственным официальным; однако нельзя сбрасывать со счетов и психологический аспект (русские, чей язык до этого был языком большинства, вдруг обнаруживают, что говорят на языке меньшинства, — это, разумеется, вызывает психологический дискомфорт). Возникают и проблемы в области образования (мало или совсем нет русских школ, не говоря уже о вузах, — притом, что многие родители, и не только русскоязычные, предпочитали бы отдать своих детей в русские школы), а также индивидуальные трудности (вдруг оказывается, что нужно выучить новый язык в короткий срок).

В 1991 году принят Закон РСФСР «О языках народов РСФСР»³, в котором русский язык закреплен в качестве государственного языка в Российской Федерации. Одновременно признается и право субъектов федерации устанавливать на своей территории свои государственные языки. Начиная с 1991 года аналогичные законы стали приниматься в Российской Федерации: на Алтае, в Адыгее, Чувашии, Туве, Калмыкии и т. д. Языкам титульных наций придается статус государственного — это создает юридическую основу для предполагаемого расширения функций этих языков в разных сферах деловой, общественной и культурной жизни (подробнее см.: Письменные языки мира 2000: Введение).

³ В июле 1998 года был принят закон «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О языках народов РСФСР», который уточнил некоторые положения закона 1991 года, но не изменил его принципов (см.: Письменные языки мира 2000: XX–XXI).

Таким образом, в соответствии с республиканскими и федеральными законами, на территории Российской Федерации законодательно устанавливается многоязычие.

ДВУЯЗЫЧИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ

В двуязычной ситуации, когда доминирующий язык сосуществует с родным языком какой-то части населения, естественным было бы такое положение школьного обучения, когда дети этой группы получают в школе образование на двух языках. Однако на деле это далеко не всегда так. В различных странах мы находим примеры, когда дети этнических меньшинств получают образование в школе на языке, который они знают хуже, чем их сверстники, либо не знают вообще. В Швеции дети этнических финнов ходят в школы, где единственным языком обучения является шведский. На Сардинии дети, разговаривающие с родителями на сардском языке, не имеют возможности пользоваться им в школе и учатся на итальянском.

Главная причина такого положения, как правило, заключается в неодинаковой престижности языков, связанной с разными социально-экономическими возможностями, которые открываются перед человеком в зависимости от того, на каком языке он получил образование. Школьная система не спешит вводить образование на языке меньшинства из-за низкой престижности этого языка; дети этого меньшинства вынуждены в первые школьные годы учиться на языке, который они недостаточно знают. Это приводит к низкой успеваемости и отсутствию у детей мотивации учиться. Возникает порочный круг: низкую успеваемость детей меньшинств объясняют тем, что дети говорят дома не на государственном (доминирующем) языке, что способствует еще большему падению престижа языка меньшинства.

ПРЕПОДАВАНИЕ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ В ШКОЛЕ

В прошлом языки меньшинств занимали в школьном образовании маргинальное место, хотя в некоторых странах были исключения. Так, в США в XIX — начале XX века многие эмигрантские сообщества организовали школы, где преподавание велось на их родном языке. В Индии после получения независимости начальное образование во многих штатах давалось не на английском или хинди, а на местных языках. В России после революции 1917 года также был провозглашен принцип преподавания в начальных классах на родном языке.

Проблему получения образования детьми этнических меньшинств начали активно обсуждать с 1950 года. Важной вехой стал 1951 год, когда под эгидой ЮНЕСКО состоялся съезд специалистов в области образования. С этого времени ситуация в мире начала медленно меняться. Так, в первой половине XX века в США проводилась так называемая *политика плавильного котла*: по мысли инициаторов этой политики, единство образования, языка, гражданства должно было «сплавить» пестрое и разноязыкое население США в единый «американский народ». Однако политика не дала ожидаемых результатов, и с начала 1960-х годов постепенно стал возрождаться интерес к языкам меньшинств. В 1963 году во Флориде появилась первая школа с преподаванием на испанском языке — прежде всего для резко возросшего числа беженцев с Кубы. В 1967 году был принят Закон о двуязычном образовании (*Bilingual Education Act*), согласно которому власти штатов получили право выделять средства на образовательные программы на языках меньшинств.

Вопросы использования языков меньшинств в школе интенсивно обсуждаются и в настоящее время. В ходе этих обсуждений выдвигаются различные аргументы (частично друг друга перекрывающие) как в пользу преподавания языков меньшинств в школе, так и против этого.